

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 1(075.8)

ПАРАНАУКА: ДИСКУРС И СУБКУЛЬТУРА

Г.Н. КАЛИНИНА*Белгородский государственный институт искусств и культуры**e-mail: galakalinina@inbox.ru*

В статье рассматривается паранаука как форма субкультуры и контексты ее формообразования; обозначаются дискуссионные концептуальные и эпистемологические проблемы субкультурного паранаучного дискурса.

Ключевые слова: паранаука, наука, субкультура, культурный контекст, дискурс, демаркация, культура постмодерна, научное, паранаучное сообщества.

В исследовании субкультурной феноменологии паранауки мы придерживаемся направления, в котором работают представители философско-антропологической и культурно-антропологической методологии познания и опираемся на философско-методологическое понимание культуры, разработанное отечественными авторами. Исходя из этого, культура трактуется нами как «идеальные формы деятельности, приобретающей общезначимое (универсальное) значение в конкретном культурно-историческом времени и социокультурном пространстве, что предполагает учет хронотопных характеристик деятельного индивида, конкретного человека, включенного в специфические сообщества и группы, в которых и реализуются, собственно, все коммуникативные акты, формируются специфические концепты и дискурсы, выраженные не только и не столько в естественном языке, сколько в языках «вторичных» знаково-символических формах и системах – от мифологических до интернет-дискурса. Дискурсно-концептное, знаково-символическое и реально-идеальное бытие в живой ткани и «телесности культуры» всегда предполагает наличие живого человека»¹.

Мы склонны согласиться, что такое, по сути, инновационное, понимание сущности культуры и предложенный подход к ее исследованию является «синтетическим», комплексным и мультидисциплинарным, что во многом перекликается с работами отечественных исследователей и с положениями западной культурной антропологии. При этом правомерно исходить из того, что, как отмечает В.П. Римский, «не существует какого-то особого, субстанциального «мифологического», «религиозного» или же «научного» сознания и самосознания, а есть лишь их конкретно-исторические формы, которые проявляются и закрепляются в специфических формах деятельности, в том числе и духовной, мыслительной, в продуктах этой деятельности, выраженных в знаково-символических системах как носителях специфических культурных кодов»².

¹ Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. №20 (91). Вып. 14. Белгород, 2010. С. 71.

² Римская О.Н., Римский В.П. Современное мифосознание и субкультурные религии // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. №8 (127). Вып. 20. Белгород, 2012. С. 67

Выступая целостной системой с присущей ей ей внутренней определенностью ценностно-иерархических взаимоотношений культура наряду с ценностной доминантой (ядром культуры) включает в себя множество подсистемных субкультурных образований. Системный характер культуры одним из первых подчеркивал основоположник современной культурологии Л. Уайт, у которого культура предстает в качестве определенной целостной и органической системы (или системы культур, как понимают американские авторы), открытой и саморазвивающейся в пространстве и времени жизнедеятельности человечества, конкретных сообществ и живых людей. При таком подходе системные модели культуры выступают исходным и важнейшим инструментом культуры как особого класса явление и соответствующих культурных подсистем³, что особо значимо при экспликации понятий «субкультура» или «субкультуры».

Подчеркнем, что именно в таком методологическом ключе, мы и подходим к пониманию феномена субкультур, исходя из того существенного обстоятельства, что далеко не всегда субкультуры воспринимались (и воспринимаются) как таковые в самосознании той или иной культуры и эпохи, а тем более находят отражение в рационально-понятийной (философской, богословской или научно-теоретической) форме.

В условиях современного мировоззренческого плюрализма человек в поисках путей к достойной социализации, личному успеху и творчеству, пытается искать и находит нужные ориентиры в субкультурных общностях, в недрах и на почве которых возникают и развиваются самые разные нетрадиционные (вплоть до экзотических) духовные формы. И, в принципе, в любом обществе обнаруживаются социальные группы, члены которых ориентируются на «другие» (как правило, не базовые) культурные ценности, создаваемые и развиваемые именно в рамках этих социальных групп и возникновение которых связано с определенным уровнем развития социума. Такого рода культурные комплексы, которые выделяются по многим критериям: профессиональному, территориальному (городская, сельская культура), демографическому (молодежная, женская), этническому (культура этнических меньшинств), конфессиональному и пр. и принято называть *субкультурами*, то есть *подсистемами целостной системы культуры*. Как отмечают отечественные философы, «любая субкультура предполагает определенную подсистемную обособленность и идентификационную активность человека по отношению к доминирующей, базовой культуре, подчеркивая субкультурность той или иной социальной группы (страты), ее специфику в рамках системного самоопределения и ее формальную характеристику (это относится и к идентификации индивидов, входящих в структуры этих стратов)»⁴.

Специфика содержания субкультуры, разных форм субкультурности определяется рядом характеристик, в числе основных назовем инаковость, непохожесть, локальность, определенная замкнутость, немагистральность, необщность в развитии ценностных предпочтений. А также – та или иная степень самостоятельности (вплоть до автономности), лояльность к ведущим ценностным установкам доминирующей культуры⁵. При этом совсем не обязательно субкультурное образование представляет из себя деструктивный феномен.

Поскольку понятие «субкультура» вмещает в себя все многообразие системных формообразований в современной культуре – базовых, креативных, маргинальных, деструктивных, антисистемных (контркультурных) и т.д.⁶, постольку с помощью инвариантной системной модели культуры можно выразить механизм осуществления процессов социальной самоорганизации. Следует также учитывать, что «развитие культуры, выступив в целом как универсальный адаптивный механизм общества и несоизмеримо увели-

³ Маркарян Э.С.. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 77.

⁴ Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №8 (63). Вып. 8. Белгород, 2009. С. 40.

⁵ Доминирующей культурой принято называть систему ценностей и идеалов, которые вырабатываются и разделяются большинством членов общества.

⁶ Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 8 (63). Вып. 8. Белгород, 2009. С. 40.

чив приспособительные возможности людей по сравнению с животными, было сопряжено с появлением разрушительных, деструктивных начал», на что, как известно, обращал внимание Э.С. Маркарян⁷. Он же, подчеркивая момент той или иной степени «избыточности культуры», пояснял: «это значит, что в ней постоянно возникали и, видимо, будут возникать разнородные для данных условий среды, в том числе нейтральные, элементы. Включаясь в общий фонд культуры, эти элементы в совокупности, подобно генофонду в процессах биоэволюции, выступают в качестве резервуара, отдельные составляющие которого при изменениях среды могут трансформироваться в адаптивно значимые средства»⁸. В силу своей динамичности субкультуры могут развиваться независимо от ядра доминирующей культуры, не заявляя особых претензий на доминирующее положение в общей культуре

Надо сказать, что существуют разные (причем, не всегда правомерные и себя оправдывающие) точки зрения на генезис субкультурных формообразований: от отрицания присутствия таковых в примитивных формах общественного бытия до концептуальных подходов, модернизирующих их феноменологию. Например, когда возникновение субкультурных форм прямолинейно связывается преимущественно со спецификой городского уклада жизни как с питательной почвой, порождающей культурные нетрадиционные направления (в частности, в искусстве). В силу утвердившихся научных парадигм долгое время субкультуры и «субкультурность» воспринимались как социальная патология, как девиация, отклонение от основного вектора ценностно-иерархических взаимоотношений принятых в обществе за эталон. Да и субкультурная феноменология не рассматривалась в ряду приоритетных исследовательских направлений. Полагаем, что такое положение с большой натяжкой можно назвать нормальным: ограниченные концептуально-теоретические и методологические подходы к исследованию разных форм субкультурности входят в противоречие с методологией, в основании которой лежит системный характер культуры и которая обосновывает системное самоопределение субкультуры, а тем самым и подсистемную обособленность, субкультурность, самополагание и формальную характеристику субкультурных формообразований⁹.

Мы, в свою очередь, стоим на позиции исследователей, настаивающих на корректном методологическом использовании понятия «субкультура». Это значит, что любая система культуры или культурная система, как и система вообще, предполагает субсистемную стратификацию, наличие субструктур и субэлементов, а, тем самым, и наличие субкультур – саму доминирующую («базовую», «материнскую» и т.п.) культуру можно представить в виде системы субкультур. При таком подходе понятие «субкультуры» усиливает свой эвристический потенциал, опираясь на системную и диалектическую методологию, которая представляется более всеобщей и, соответственно, предпочтительной при исследовании всего многообразия культурной феноменологии как в синхронном, так и в диахронном вариантах¹⁰. Это крайне важно для понимания специфики любых исторических типов культуры, выявления субкультурной феноменологии таких нетрадиционных культурных форм как паранаука, для понимания того факта, что они (культурные формы) оказываются способными продуцировать как нейтральные и разрушительные, так и творческие контркультурные смыслы.

Генезис нетрадиционных субкультурных образований иллюстрирует их укорененность в глубинах человеческой культурно-исторической практики и ментальности, прослеживаясь в самых различных сферах жизни общества и имея общезначимый характер.

⁷ Э.С. Маркарян. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983. С. 148-149.

⁸ Там же.

⁹ Нечто схожее имеет место и с понятием контркультуры, главная феноменологическая характеристика которой – та или иная форма протеста, несогласие, активная оппозиция, выраженное противостояние фундаментальных ценностных установок по отношению к господствующей культуре. Здесь же уточним: близость обоих понятий (субкультуры и контркультуры) не является основанием для их отождествления: дефиниция субкультуры фиксирует определенную подчиненность (Sub – от лат. «под»), в то время как a contra несет смысловую нагрузку «против».

¹⁰ Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №8 (63). Вып. 8. Белгород, 2009. С. 40.

В широких историко-временных границах часть таких феноменов эволюционирует от маргинальности и контркультурности до приближения к традиционным образцам и контекстам основной культуры. Включаясь в систему доминирующих ценностно-иерархических взаимоотношений некоторые субкультурные комплексы (также и контркультура) расширяют общий контекст культуры, подчеркивая ее целостное многообразие, а иногда превращаясь в ядро будущих культурных систем. Интегрируясь в доминирующую культуру, трансформируя ее, они тем самым служат мощным катализатором культурно-исторического процесса, выполняя позитивную миссию.

Обобщая сказанное мы приходим к пониманию субкультуры как подсистемного целостного и относительно изолированного, автономно-закрытого динамичного образования внутри доминирующей культуры, как которое, входя в структуру любой культуры, отличается своей собственной (в основном нетрадиционной) системой ценностей, обычаями, нормами, лексикой, атрибутикой и обладает способностью развиваться независимо от ядра «материнской» культуры, не претендуя на универсальность или доминирование в общей культуре. Субкультурные комплексы предстают целостными формами со своей собственной спецификой поведения, сознания и языка*.

Далее, определившись с философско-методологическим пониманием культуры и с методологией в исследования субкультур мы можем сконцентрироваться на выявлении субкультурной феноменологии паранауки.

В ряду множества подсистемных субкультурных образований, входящих в культуру, свое особое и достаточно заметное место занимает паранаучная субкультура – паразитичность и разного рода практики, особо активно заявившие о себе на выходе к горизонтам неклассической науки. Будучи «другими» по отношению к легитимной базовой культуре и выделяющиеся своей «субкультурностью» такого рода духовные формы практические всегда и повсеместно занимали (и частично находятся сегодня) на особом, осадном «субкультурном положении». В сравнении с «материнской» культурой, центрирующей всю иерархию господствующих ценностных ориентаций, за ними прочно закрепился статус «вторичных» периферийных и маргинальных феноменов¹¹. Однако, как уже говорилось, роль такого рода субкультурных формообразований отнюдь не однозначна: наряду с деструктивным влиянием на индивидуальное и коллективное сознание, они помогают человеку обрести личную идентичность, открыть жизненные перспективы (пусть и иллюзорные) в нашем непростом мире¹². На общем фоне повсеместного социального мифотворчества такая позитивная миссия субкультурных феноменов, спроецированных на конкретного «живого индивида» продолжает сохранять свою привлекательность. (Классический пример – популярность паранауки и ее достаточно высокая востребованность аудиторией «массового потребителя»).

Сама специфика культуры постмодерна, расширяющей общее познавательное пространство, создает благоприятные условия для активизации паранаучных субкультурных дискурсов с размытой рациональной составляющей, для генерации, популяризации многообразного спектра экзотических практик и новомодных параметодик. В известной мере этому способствует так называемый «коммуникативный поворот» в анализе и трактовке науки. Его кульминационной стадией выступает «риторический подход», являющийся альтернативным по отношению к «классическим» пространственно-временным моделям исследования мира, и утверждающий приоритетное значение неориторики и ее средств в росте науки. Наука трактуется как «нарратив», «повествовательный дискурс». Такая (по сути, «альтернативная наука») предстает коммуникацией, «освещенной» контекстом коммуникативного, диалогического общения и взаимодействия, нагруженного интенциональными смыслами и установкой на равноправное сознание «Другого». Научное знание понимается как направленное взаимодействие различных актов полагания смысла на границах с другими смыслами, достигнутыми через взаимопонимание в условиях

* Как правило, отдельным субкультурам не свойственно противопоставление себя ценностям доминирующей культуры или общечеловеческим ценностям, входящим в структуру любой культуры.

¹¹ В. Римский, О. Римская. Феномен субкультурных религий /Монография. Саарбрюкен, Palmarium Academic Publishing, 2012. С. 4.

¹² Там же. С. 3.

диалогической коммуникации. А научное исследование предстает коммуникативным процессом.

Иначе говоря, в когнитивной стратегии постмодернистской парадигмы вопрос демаркационных линий в системе знания становится анахронизмом, не находя достаточных оснований для «эпистемологической оправданности» и целесообразности демаркации. Сегодняшние неклассические трактовки науки, в ряду которых – понимание науки как культуры, варианты и модели сближения науки и искусства, другие нестандартные подходы и решения, занимают позицию расширения границ науки до границ культуры, включающей опыт повседневности и широкую ненаучную сферу. При том, однако, что наука по-прежнему претендует на роль единственно устойчивого и «подлинного» фундамента культуры в ее первичном (деятельностном и технологическом) понимании, давая оценку «другим» формам знания по их соответствию общепринятому гносеологическому стандарту.

Наиболее зримо научно-паранаучная проблематика отражается в сложившейся модели взаимосуществования научного и паранаучного сообществ. В отношении научного сообщества к паранаучной субкультуре, преобладающим является тенденциозный характер оценок. Это касается и генерации паранаучных идей, и «собирающего образа» параученого-индивидуала («ученые с большой дороги», дилетанты и пр.), и паранаучных коллективов-сообществ, их неприятие как в равных партнерских научно-исследовательской деятельности. Несколько иная ситуация и модель взаимоотношений прослеживается в сфере «социум-паранаука». Так, реакция общества, (представляющего в своем лице массового потребителя многожанровой паранаучной продукции) на паранауку как специфическую форму субкультуры, отличается более сдержанным, уравновешенным, можно сказать даже «теплым» климатом. Крен в сторону критики, «борьбы», «разоблачения» параученых здесь не столь ярко выражен, как в научных кругах. В самом общем плане это можно объяснить неиссякаемым человеческим интересом к тайнам, Чуду, загадкам мироздания, объяснение которых остается за гранью инструментальных возможностей академической науки. Параученые предлагают свои ответы и решения, более-менее удовлетворяя вакуум человеческого любопытства. Рядом авторов в качестве коллективного (институализированного) и индивидуального ментального механизма воспроизводства субкультур и трансформации психологии, сознания и поведения человека в превращенных (инновационных, поисковых) и извращенных (отчужденных, деструктивных) формах рассматривается современная (социальная) мифология¹³.

Ранее в ряде работ, указывая на определенные трудности в области категориального анализа дефиниции «паранаука»¹⁴, мы отмечали, что паранаучное знание (оно же, согласно принятой терминологии, форма внеучного знания) трактуется весьма широко. Скажем, и как «несовместимое с гносеологическим стандартом, включающее в себя учения о феноменах, объяснение которых не является убедительным с точки зрения критериев научности». И как проведение сомнительных или заведомо ложных исследований, наблюдений. И как «научообразное по форме, но ненаучное по сути». Сюда же подпадают «ложные религиозные направления» (окультизм, эзотеризм и пр. нетрадиционные, эпатажные знания и практики). Иначе говоря, паранаука рассматривается как сомнительное, околонуучное, знание, как антипод «истинного знания», как девиация в целостной системе знания, как «отраженный свет» науки. А в целом – как знание, несовместимое с имеющимся гносеологическим стандартом, выходящее за рамки общепринятой когнитивной парадигмы, но которому в последнее время придается флер научного знания. Можно говорить, что на границах науки сложился специфический социальный и ментально-когнитивный феномен – паранаучная субкультура, генезис которого восходит к

¹³ Римская О.Н., Римский В.П. Современное мифосознание и субкультурные религии // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. №8 (127). Вып. 20. Белгород, 2012. С. 67.

¹⁴ См., например: Калинина Г.Н., Римский В.П. Самополагание науки и превращенные формы знания // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №20 (139). Вып. 22. Белгород, 2012. С. 28-39; Калинина Г.Н. Рациональная и паранаучная формы миропонимания // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №8 (127). Вып. 20. Белгород, 2012. С. 254-260 и др.

ранним стадиям культуры и теориейной форме познания мира. Эпистемологическим основанием генезиса паранаучных образов выступает философский иррационализм и отчасти различные формы радикального антисциентизма¹⁵.

Многие проблемы, «побочные эффекты», усиливающие напряженность в области «наука-паранаука», вызваны и объясняются когнитивными трансформациями в самой науке, запаздыванием процессов интеграции все более дифференцирующегося научного знания, расчлененностью науки на плохо стыкующиеся между собой области. В такой ситуации девиантная наука, возникающая в одной области, может приниматься просто «на веру», открывая шлюзы для проникновения в «строгую науку» конкурирующих паранаучных идей и маргинальных когнитивных практик. Причем, наиболее благоприятной средой для бурного «произрастания» паразитов и парактик в настоящий переломный период оказывается «российская почва». Здесь надо иметь в виду, что разрушение целого ряда ранее существовавших структур познавательной деятельности (в том числе научной), норм социальной регуляции, ослабление механизмов контроля в совокупности своей не могли не привести (и привели) к инверсии прежних стереотипов, стимулируя и подпитывая рецидивы девиантного поведения. На смену научной диалектической философии, удаленной из сферы научной и учебной деятельности, пришли наукообразные системы мистики, вульгаризированные практики обретения «мистического опыта, которые заняли свое место в создавшемся вакууме.

Вслед за рядом российских философов следует подчеркнуть, что в последнее время проблема подъема и регенерации паразитов серьезно усугубляется процессами трансформации прикладного знания в «совокупность технологических сведений». Острота момента здесь в том, что, как правило, прикладные цели исследования вполне могут «обойтись» без выработки некоторых синтетических, обобщающих, рациональных методов. Если же сюда присовокупляются другие факторы (недостаточный методологический контроль, фривольно допускающий совмещение несовместимых методов и подходов; методологическая терпимость на фоне утраты целостности познавательного процесса и иные негативные издержки), то возможность для трансформации прикладной науки в пара (псевдо) науку возрастает. О том, что чрезмерная заинтересованность в прикладных проблемах безотносительно к их связи с существующим знанием и техникой может легко задержать научное развитие, предупреждал в свое время еще Т. Кун¹⁶. А ведь для фундаментальной науки исследования прикладного типа являются лишь инструментом развития. Нельзя также не учитывать фактор сдвигов в менталитете сегодняшнего постиндустриального мира, в котором сформировался особый идеал деятельности и модель поведения человека соответственно. Так, на смену идеалу деятельности, в основе которого – принятие решений на базе рационального анализа, пришел иной, «размытый» тип поведения, наиболее адекватный современному обществу: прежний образ «железной клетки» все более вытесняется способами мышления и деятельности с мягкими, аморфными формами регуляции. То есть глобальные общественные сдвиги постиндустриальной эпохи напрямую сказываются на состоянии науки – научный разум в его классическом понимании все чаще попадает в «зону риска».

Анализируя причины активизации паранаучного знания нельзя игнорировать и процессы девальвации науки в общественном мнении. Здесь мы только добавим, на сегодняшний день «территория» науки не просто «засорена» различного рода «двойниками», а постепенно поглощается дискурсами с размытой рациональной составляющей. Об этом, в частности, говорит уточняющая терминология, призванная подчеркнуть специфику сугубо научного знания (скажем, «собственно» наука, «наука в собственном смысле слова», «хорошая» наука, «традиционная» наука, «академическая», «официальная» и пр.). Создается впечатление, что без дополнительных уточнений мы уже не можем (или во всяком случае затрудняемся) с точностью понять, о чем именно идет речь? – О науке

¹⁵ Калинина Г.Н. Философский иррационализм и генезис паранауки на границах науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ. №2. Ростов-на-Дону, 2012. С. 18.

¹⁶ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 219.

как таковой или же о ее заместителях, симулякрах, суррогатах, подменяющих собой качественное научное знание в условиях сегодняшнего «окультурного ренессанса».

Иначе говоря, в ряду других субкультурных форм, каждая из которых предстает специфической социальной общностью, паранаучный духовно-культурный феномен стабильно занимает определенную нишу в современном многообразии субкультур. Контексты формообразования паранаучной субкультуры образуются всей совокупностью социокультурных факторов, включая в себя духовные, культурные, политические и иные контексты и смыслы.

Принимая во внимание культурно-исторические предпосылки и основания паранауки, факт сегодняшней регенерации и активизации паразнания и парапрактик (многие из которых не лишены позитивного потенциала и «работают» на человека в целом ряде областей), есть основания рассматривать паранауку как специфическую (паранаучную) форму культуры, как субкультурный феномен в целостной системе культуры. Теоретико-методологическое понимание субкультурной паранаучной формы предполагает исследование паранауки в качестве укорененной и реализованной в деятельностных, идеальных, коммуникативных, дискурсно-концептных и знаково-символических основаниях и метаморфозах¹⁷, то есть с позиции его целостного рефлексивного анализа в диахронном и синхронном измерениях.

На наш взгляд, познавательная модель в сфере «наука-ненаука» не может считаться удовлетворительной и нуждается в приведении в соответствие с изменившимися постнеклассическими культурными и эпистемологическими реалиями.

Так, объяснение современной картины мира невозможно без привлечения широкого корпуса вненаучного знания. Сказанное подтверждается возникновением и сегодняшней активизацией целого ряда проблем, касающихся соотношения реального и «иных» миров и «форм жизни», перед которыми научные законы и методы, следовательно инструментарий оказываются на сегодняшний день несостоятельными и недостаточными (факт объективности такого рода «других» реальностей нельзя ни удостоверить, ни опровергнуть). Однако обстоятельство их активного вторжения в наше сегодняшнее актуальное существование и широкое (не всегда корректное) привлечение «мистических миров» в разных целях (вплоть до обретения состояний видоизменности сознания) вполне достаточно для объяснения важности изучения принципиально нового типа явлений*.

Основания для пересмотра модели в сфере наука-паранаука базируются на переходе от ортодоксальных сциентистских парадигм познания к более гибким, неклассическим и постмодернистским моделям мышления. Здесь мы исходим из теоретической легализации факта присутствия объективного и необходимого в современном мире взаимосуществования, сопряжения многообразных форм мыследеятельности и мироотношения, расположенных на границах науки и культуры. По-видимому правильнее в рамках субкультурной феноменологии паранауки исследовать паранаучный феномен не только как «маргинальный», «периферийный» или «деструктивный» элемент развития культуры постмодерна, рационализма вообще. Предпочтительнее подойти к его анализу как к феномену, генезис, формообразование и самополагание границ которого с необходимостью обусловлено субсистемной стратификацией культуры, и который (в числе других в системе субкультур) задает «определенные креативные вызовы современности»¹⁸.

При таком подходе потенциальная возможность диалога между наукой и паранаукой как нетрадиционной духовной формой поднимется до уровня обоюдного проблемного взаимодействия, в основе которого – принцип внутренней взаимодополнительно-

¹⁷ См: Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 8 (63). Вып. 8. Белгород, 2009. С. 32.

* Хотя бы потому, что они кардинально отличны от явлений, существующих в рамках сегодняшней картины мира и принципиально меняют традиционные научные представления о пространстве и времени.

¹⁸ Римский В., Римская О. Феномен субкультурных религий. Саарбрюкен, Palmarium Academic Publishing, 2012. С. 10.

сти разных познавательных стратегий и форм мыследеятельности. Сама позиция диалогичности выстраивается на равнозначности мыслительных установок для культурного самоопределения человека, имплицитно связанного с его самотворчеством.

Такая модель отвечает философскому пониманию знания как сложной, целостной, динамично развивающейся системы, функционирующей в сложном социокультурном контексте. Она направлена на создание нового образа науки в культуре, на укрепление ее социальной миссии в обществе*. А так же на понимание того, что на рефлексивном уровне должна выступать социальная значимость знания, «нагруженного» нравственным компонентом¹⁹, независимо от его эпистемологического статуса.

Таким образом, *паранауку правомерно рассматривать в качестве системной субкультурной общности, специфического субкультурного образования и маргинального феномена культуры рационализма, контексты которого образуются всей совокупностью социокультурных факторов. Как нетрадиционная духовная форма паранаучная субкультура отражает собой факт многообразия системных формообразований в феноменологии модерна, включаясь в общий культурный фонд.*

Исследование субкультурной феноменологии паранауки во многом определяется инновационностью понимания самой культуры, а именно – «синтетическим», комплексным и мультидисциплинарным подходом к ее трактовке, с учетом хронотопных характеристик деятельного индивида, конкретного человека, включенного в специфические субкультурные сообщества и группы.

Такая культурно-антропологическая методология познания предполагает отказ от метафизического конструирования культурных миров и установку на интерпретацию исторических культур с опорой на конкретно-научные методологии и методики. Хотя уже трудно ограничиваться только корпусом конкретных методов и методик описания и интерпретации паранаучного субкультурного комплекса становится проблематично²⁰. И хотя пока речь идет преимущественно о новейших молодежных группировках, эта проблема распространяется и на исследование субкультурности паранауки, генезис, формы генерации и воспроизводства которой располагаются на границах науки и ненауки, науки и культуры. Несмотря на внешнюю консолидацию паранаучного движения, его формы, представленные классификацией паразнания, крайне разнообразны. Нельзя сказать, что структуры современных паранаучных коммуникаций, иллюстрирующие мозаичность паранаучной субкультуры в диапазоне от лже, квази до антинауки отличаются жесткостью и нетекучестью границ, стабильным и надежным характером соединений, обязательно всецело придерживаться образцов. Напротив, они скорее противоречивы, чем постоянны, с миксовой природой, прозрачными границами, текучестью и временными солидарностями²¹. Во многом это объясняется отличием современных субкультур (постсубкультур) от «классических» образцов даже прошлого века.

Избранная методология в исследования субкультур вообще и паранауки как субкультуры, на которую мы опираемся, позволяет не только описать их конфигурации данных системных формообразований, но и «выявить основные смыслы бытия в пространстве и времени превращенных форм сознания и отчужденных систем коммуникаций²². Это тем более важно в условиях сегодняшнего глобализующегося культурного пространства, где спектр различных субкультур настолько велик, что создает серьезные сложности для выделения доминирующей культуры, а вопрос о том, что такое «базовая культура» общества в современном постмодернистском мире является особым разговором.

*При том, конечно, что синтетический характер модели исключает фактор когнитивной «всеядности».

¹⁹ Калинина Г.Н. Аксиологические парадоксы знания на границах современной науки // Вестник БГУ им. В.Г. Шухова. Серия «Естественные и гуманитарные науки», №6, 2013. С. 227.

²⁰ См., например: Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М, 2000. и др.

²¹ Омельченко Е.Л. Про эмо, готов и нравственность // <http://www.polit.ru/autor/2009/01/23/subkult.html>.

²² Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. №20 (91). Вып. 14. Белгород, 2010. С. 70.

Разумеется, в контексте современного плюрализма многие концептуальные и эпистемологические проблемы исследования паранаучной субкультуры, норм ее аксиологических и мировоззренческих оценок остаются открытыми, оправдывая исследовательский поиск и интерес к субкультурной феноменологии паранауки.

Список литературы

1. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 8 (63). Вып. 8. Белгород, 2009. С.31-41.

2. Калинина Г.Н. Философский иррационализм и генезис паранауки на границах науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ. – № 2. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 14-18

3. Калинина Г.Н. Аксиологические парадоксы знания на границах современной науки // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. Серия «Естественные и гуманитарные науки». №6, 2013. С. 227-230.

4. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. А. Налетова. – Москва : Прогресс, 1975. – 288 с.

5. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983.

6. Омельченко Е.Л. Про эмо, готов и нравственность // <http://www.polit.ru/autor/2009/01/23/subkult.html>.

7. Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. – Белгород, 1998.

8. Римский В., Римская О. Феномен субкультурных религий. – Саарбрюкен, Palmarium Academic Publishing, 2012. –129 с.

9. Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. №20 (91). Вып. 14. Белгород, 2010. С. 70-78.

PARANAUKA: DISCOURSE AND CONTEMPORARY CULTURE

G. N. KALININA

*The Belgorod state institute
of arts and culture*

e-mail: galakalinina@inbox.ru

In article describes paranauka as a form of subculture and contexts of its formation; are indicated by the discussion of the conceptual and epistemological problems of subculture paranaučnogo discourse.

Key words: paranauka, science, culture, cultural context, discourse, postmodern culture, scientific demarcation, paranaučное community.